

Е.П. Педчак

Мучительный сонет

Одно из лучших творений И. Анненского — «Мучительный сонет». Следует заметить, что из всех символистов Анненский (кроме А. Блока) и сейчас самый живой и актуальный.

Анненский фигура переходная. При отсутствии у него организационных связей с символистами есть связь принципов поэтики. Однако символизм Анненского скорее психологический, символизм сцеплений и соответствий — в бодлеровском смысле. «Ассоциативный символизм», — сказал о нем Вячеслав Иванов. Наряду с образами, сохраняющими свою предметность, точно увиденными, — слова в явно символической функции: маятник, часы, смычок, скрипка, выдыхающийся детский шар и т.д.

В первом двустишии первого катрена слова сохраняют свое основное значение и свою предметность. Отметим, что «ноющий комар» имеет прообраз у Фета: «Плачась комар пропоет...». Это — «Жду я, тревогой объят...», — одно из лиричнейших стихотворений Фета. Второе полустишие дает очень сложный, очень индивидуальный психологический поворот. Во втором катрене все конкретно. Предметы «желтизна огня», «потное стекло», «прядь волос». С прядью волос открыто вторгается в стихотворение тема любви.

В двух катренах совершается пространственная локализация. Лирическое событие прикреплено к некоторому месту. На талый снег через стекло окна падает свет лампы. Можно представить себе загородный дом. Может быть, застекленную террасу загородного дома, где зажжена лампа, где развилась прядь волос рядом сидящей женщины. И опять переключка с Фетом:

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Лирическое движение «Мучительного сонета» зарождается в локализованном пространстве, в его частностях и подробностях. Но Анненский — поэт сложного семантического рисунка, любивший колеблющиеся смыслы (теоретически он проповедовал в поэзии «недосказки»). В двух катренах сонета пространство в плане реалий двоятся, реалии не увязываются. Что такое «талый снег»? Самая ранняя весна? Или оттепель? Это не связывается в одну картину с пчелами и комаром.

Решение этой загадки — в самом тексте: «Мне нужен талый снег... И чтобы прядь волос...» Далее: «Мне надо дымных туч...»

Это не изображение существующего, а только мыслимое, желаемое. Из внешнего мира оно перенесено в пространство сознания поэта. Талый снег, потное стекло, прядь одновременно и локализованы и делокализованы. Сложный двойной ход. Пространство авторского сознания объемлет и то конкретное пространство, в котором существуют образы пчел, комара.

Первый терцет, с его подчеркнута условным, традиционным поэтическим, отрывается от предметного ряда и выводит в экзистенциальную тему стихотворения (то есть одну из «вечных» тем, касающихся коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей). Эта тема нарастает во втором терцете и кульминации достигает завершающей метафорой огня жизни.

Слова, представляющие оба типа поэтической символики, окрашивают друг друга. Одно и то же слово оказывается в разных семантических рядах. Дымные тучи с померкшей высоты — здесь тучи еще предметны и сохраняют свое основное значение. Но в следующем стихе терцета тучи уже стали метафорой: «Круженья дымных туч,

в которых нет былого...» В первый раз дымные тучи стоят в одном ряду с талым снегом, стеклом, прядью волос; во второй раз — с «музыкой мечты, еще не знавшей слова...»

То же происходит с образом огня. В первый раз (второй катрен) это огонь, освещающий талый снег. Во второй раз (второй терцет) это огонь — символ жизненной силы.

В первый раз эпитет стекла («потное») подчеркнута материализует светящийся сквозь него огонь. Но в то же время он светит «устало». Это одухотворение огня предвещает его конечное метафорическое значение.

Лирическое движение «Мучительного сонета» захватывает на своем пути вещи и душевные состояния в их индивидуализированных ракурсах, с тем чтобы выйти в мир условных, традиционных поэтических образов и раскрыть «вечную» тему сонета метафорой огня жизни.

Вспомним тютчевское:

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И не томясь, не мучаясь доле,
Я просиял бы — и погас!